

Когда я открыла глаза и взглянула на настенные часы, было уже семь утра. Возможно, из-за того, что вчера я перебрала с вином, в голове всё еще стоял тяжелый туман. Похоже, пить я совершенно не умею, и впредь нужно стараться избегать алкоголя. То количество вина, что мы выпили вчера, для любого любящего приложиться к бутылке русского — лишь способ утолить жажду, для меня же его хватило, чтобы опьянеть до беспамятства. В итоге я проспала восемь часов, но вместо бодрости чувствовала лишь еще большую разбитость.

Я сладко потянулась, села и откинула одеяло, собираясь встать. Внезапно я ощутила прохладу на коже. Посмотрев вниз, я едва не подпрыгнула от испуга: я была абсолютно голой, на мне не осталось ни нитки. Оглядевшись, я увидела, что, кроме шинели, висевшей на стене, все мои вещи — гимнастерка, рубашка, бюстгальтер и трусы — в беспорядке валялись на полу.

При виде этой картины меня прошиб холодный пот. Неужели Королёв из тех «подозрительных дядюшек», что воспользовались моим бесчувственным состоянием и... сотворили со мной неладное?! Хотя сейчас я и нахожусь в женском теле, я никогда прежде не воспринимала себя как женщину. Сама мысль о том, что мужчина мог сделать со мной это, вызвала такой приступ тошноты, который я была не в силах сдержать. Я соскочила с кровати, бросилась в ванную и, припав к унитазу, принялась извергать из себя всё содержимое желудка.

Глядя на нечистоты в унитазе, я почувствовала еще большее омерзение, и меня снова вывернуло наизнанку. Меня тошнило до тех пор, пока из меня не начала выходить одна желчь, и только тогда смогла остановиться.

Я долго сидела на холодном полу ванной комнаты в каком-то оцепенении, а затем принялась осматривать нижнюю часть своего тела. За то время, что я пребываю в женском обличье, я уже достаточно изучила физиологию своего нового тела. После долгого осмотра я не обнаружила никаких следов насилия. В голове мелькнула мысль:

«Может быть, я зря наговариваю на дядю Павла? Скорее всего, эту одежду я сама в пьяном угаре стянула с себя и разбросала по полу. Просто я была настолько пьяна, что теперь совершенно ничего не помню».

Приняв душ и выйдя из ванной, я по очереди подобрала вещи с пола и, глядя в зеркало, привела себя в порядок. Затем я сняла со стены шинель и шапку и, держа их в руках, вышла из номера. Сегодня вечером мы возвращаемся в Ленинград, и неизвестно, когда я снова окажусь здесь. Пока есть время, мне нужно съездить на Комсомольскую площадь, разыскать родных Кати и выполнить обещание, данное ей перед смертью.

Второй этаж был местом сосредоточения высшего офицерского состава. С самого момента выхода из номера мне в коридоре встречались сплошь генералы. Я шла, приветствуя их по уставу. Вероятно, вчерашнее триумфальное выступление в Кремле сделало меня знаменитостью: все генералы, отдавая честь, вежливо мне улыбались, а некоторые даже останавливались, чтобы перекинуться парой фраз.

Спустившись на первый этаж, я увидела Королёва и Шолохова, беседующих в вестибюле. При виде Королёва мое лицо мгновенно вспыхнуло — не потому, что я только что несправедливо его заподозрила, а от стыда за свое вчерашнее пьяное непотребство, которое он наверняка наблюдал. Пока я в нерешительности колебалась, Шолохов заметил меня и помахал рукой. Поняв, что не отвертеться, я ускорила шаг и, подойдя к ним, отдала честь.

— Наша красавица-офицер, и куда же это вы направились? — шутливо спросил он, заметив в моих руках шинель.

— Докладываю, товарищ генерал! — Я снова вытянулась в струнку и честно ответила: — Я собираюсь на Комсомольскую.

— На Комсомольскую?! — услышав название площади, генерал недоуменно переспросил: — Что вам там делать? Имейте в виду, поезда на Ленинград давно не ходят, мы улетаем вечером самолетом.

— Товарищ генерал, дело в том, что... — И я без утайки поведала обоим историю о том, как встретила Катю в госпитале и приняла её последнюю волю.

— В таком случае — одна нога здесь, другая там, — подхватил Королёв, участливо добавив: — Ты дорогу-то знаешь? Хочешь, я попрошу комиссара гостиницы выделить тебе машину, чтобы тебя отвезли прямо туда и привезли обратно?

— Нет-нет, не нужно, дядя Павел. — Перед Королёвым мне всё еще было немного неловко, поэтому я поспешно замахала руками, вежливо отклоняя его доброту: — Я знаю дорогу и знаю, на чем доехать.

— Ну хорошо, тогда поторапливайся, — на этот раз сказал генерал, что фактически означало разрешение на отлучку.

Я быстро отдала им обоим честь и бегом припустила к выходу. Покинув гостиницу, я надела шинель и шапку. Расспросив дежурного бойца у входа, где находится остановка, я решительным шагом направилась в указанную сторону.

До Комсомольской площади ходил прямой трамвай. Вероятно, из-за войны интервалы движения были очень большими — мне пришлось прождать довольно долго, прежде чем я смогла запрыгнуть в вагон, идущий в нужном направлении.

В своей «прошлой» жизни, в будущем, я часто ездил на трамваях. Возможность прокатиться на этом знакомом транспорте в такое время вызвала у меня прилив воодушевления. Едва войдя в вагон, я плюхнулась на свободное место и принялась с любопытством разглядывать виды за окном.

Внезапно кто-то тронул меня за плечо. Я обернулась и увидела стоящую рядом женщину-кондуктора в оранжевом жилете поверх теплой одежды.

— Вы билет купили?

— Билет? — я сначала недоуменно переспросила, но тут же спохватилась: — Ах, простите, виновата! Совсем забыла, сейчас куплю.

Я поспешно расстегнула шинель и полезла в карман гимнастерки. С тех пор как я оказалась в этом мире, мне, кажется, ни разу не приходилось пользоваться деньгами. Всё необходимое выдавалось по армейскому снабжению, поэтому само понятие «деньги» постепенно выветрилось из головы. Я совершенно отвыкла от того, что они могут быть нужны, и забыла о такой мелочи, как покупка билета в транспорте.

Я выудила из кармана пятирублевую банкноту и протянула её кондуктору. Та взяла купюру и спросила:

— А мелочи у вас нет? Проезд — пять копеек. У вас слишком крупная бумажка, у меня не будет сдачи.

Боже мой, до чего же дешевые билеты в сороковых — всего пять копеек! В мое время самый дешевый билет стоил рублей двадцать пять, а на пять рублей даже в туалет нельзя было сходить. А в эту эпоху пятерка — целое состояние, просто невероятно.

Я посмотрела на людей, стоявших рядом: старший сержант в новенькой шинели и несколько пожилых женщин.

— Простите... — я еще долго шарила по карманам, но не смогла найти ни единой копейки. Пришлось забрать купюру из рук кондуктора. Густо покраснев от смущения, я пробормотала: — Но у меня совсем нет мелочи! Я сейчас же сойду... Извините!

— Ни к чему это, товарищ боец! — весело отозвался стоявший рядом старший сержант. Он запустил руку в карман шаровар, выудил монету и протянул её кондуктору. — Пожалуйста, дорогая! Я заплачу за девушку.

— Нет-нет, что вы! С какой стати вы должны платить за мой проезд! — невольно повысила я голос, чувствуя, как неловкость накрывает меня с головой.

— Как это «с какой стати»? — старший сержант вскинул свои красивые светлые брови. — В бою надо помогать друг другу! — Он взял у кондуктора билет, протянул его мне и добавил полушутя-полусерьезно: — Товарищ боец, после войны сочтемся!

Мне было ужасно неловко. Впервые в жизни незнакомый человек платил за меня в трамвае.

— Благодарю вас, — искренне ответила я ему.

— Не стоит благодарности, товарищ боец... — он начал было улыбаться, как вдруг его взгляд упал на мои знаки различия, видневшиеся под распахнутой шинелью. Он мгновенно вытянулся в струнку. — Виноват, товарищ командир! На вас сержантская шинель, я сразу и не разглядел ваше звание...

— Да бросьте вы, не берите в голову, — я перехватила его руку и потянула за собой, усаживая на свободное место рядом. Чтобы снять возникшее напряжение, я намеренно сменила тему: — А вы куда путь держите, товарищ старший сержант?

— На Комсомольскую, товарищ командир, — доложил он и тут же пояснил: — Только что с передовой, дали сутки отпуска. Еду проведать невесту.

— Вот так совпадение! Мне тоже нужно туда. Будьте добры, поработаете моим проводником?

— Никаких проблем, товарищ командир! Рад быть полезным.
